

4 1 ОФЕВ. 38

Москва

Газета № . . . . .

## Галина Уланова

1

Окончились школьные годы.

В комнате над столом, вместо расписания уроков, повис репертуарный указатель. Ученический документ в сумочке сменился удостоверением академического театра.

Галина Уланова стала солисткой ленинградского балета. Было это осенью 1928 г. Начались вскоре выступления. Молодая артистка неудачно провела их. Вспоминая далекие дни, Галина Уланова выражается еще решительнее:

— Я провалила свои первые выступления.

Как это случилось? Воспитанницы балетной школы привыкают к сцене чуть ли не с младенческих лет. Искать причину неудачи только в недостатке сценического опыта — не следует.

Бархат ярусов, огни прожекторов, кулисы, дирижер со своей палочкой — весь мир бешено кружился перед нею. Она делала шевеления, она вертелась на носках по диагонали из одного конца сцены в другой. Не было никаких мыслей, никакого иного ощущения, кроме страха забыть счет: надо было вертеться ровно шестнадцать тактов — не меньше, не больше. Она лихорадочно считала и отчетливо видела: ее унесит, ее заносит в сторону.

— Галя, не волнуйся так! Галя! — шептали ей кулисы.

Тогда Уланова решила: работать, тренироваться, приучать мускулы и дыхание к неутомимости, догнать самых сильных из своих подруг. Началась ревнивая погоня за техникой, за внешним мастерством. На уроках народной артистки Вагановой можно было узнать, что такое страсть в искусстве. К концу занятий полотенец Галины Улановой превращалось в мокрую тряпку, — она работала, напрягая все силы и все внимание.

Минувал еще год, и она как-будто достигла цели; она развила в себе такие качества, как гибкость, смелость, ловкость, сила, выносливость, полет, инстинктивная певучесть рук, безошибочное чувство позы. Уже не доставляли ей особого труда самые сложные движения и в любом количестве. Ей не приходилось больше заводить подруг в отношении технического мастерства и выносливости. И все-таки она попрежнему не знала удовлетворения. И поняла, наконец, истинную его причину: она все еще не была творцом. Добросовестно и, может быть, с блеском она выполняла указания балетмейстера — и только. Танец ее был точным, но всего лишь механическим воспроизведением чужих мыслей, чужого творчества. Она именовалась артисткой и солисткой, а была все еще ученицей, на «отлично» выполняющей свои хореографические упражнения.

2

Балетмейстер один в своей рабочей комнате. Он читает в нотной тетради строку за строкой, как читают любимую книгу — медленно, сосредоточенно.

Без знания роли балетмейстера — не понять и не оценить творческой роли танцовщицы. Они взаимно дополняют друг друга.

Вот он закончил свою работу и внимательно просматривает результаты записей. Разочарование охватывает его. Листки вырваны, они сматы и брошены в корзину.

Позже он звонит по телефону:

— Профессор? — и забывает поздороваться с ним. — Очень хорошо, что вы еще в музее...

Он осведомился, долго ли профессор пробудет в своем кабинете и как он смотрит, если он придет к нему? Да, сейчас. Очень важное дело... Скоморохи сели его. Можно? Спасибо. Нет, нет, никакого вина и чаю не надо, ничего не надо. Он сию минуту будет у него и расскажет.

В кабинете профессора, ведающего скифским отделом Эрмитажа, происходит странная беседа. Профессор не понимает, почему гость вдруг, среди ночи, заинтересовался скифскими памятниками.

— Есть, конечно! — улыбается он, показывая самые последние и наиболее ценные приобретения. — Вот свадебное ожерелье. А вот похоронный веночек...

Гость в данную минуту интересуют исключительно рисунки — может быть, лепка на вазах с изображением какого-нибудь обряда; может быть, бытовая сценка, запечатленная на кости, охота, праздник...

Гость принял к стеклу. В граненых краях наличника роятся многоцветные радужные огни. Гость зашил глаза ладонями и уж больше не слышит профессора. Чеканные пластинки из бронзы и железа пленили его. Он нашел то самое, ради чего сюда явился. Звери и люди изображены на древних пластинках. Прыгают лани, неуклюже взвиваются медведи. Охотники, ликуя, подражают зверям в движениях и стреляют из луков.

Профессор давно работал в кабинете, а гость все еще оставался в зале. Склонившись над наличником, он изучал скифские пластинки, в которых тайна древнего мастерства отлично противостояла ржавчине веков. Он стоял здесь зачарованный и тихонько напевал те самые мотивы, которые изучал сегодня в нотной тетради. Звери и люди оживали в его воображении.

— Простите, я не понял вас, — говорил профессор, выходя на улицу вместе с гостем. — Как это вас скоморохи ели? Вы обещали рассказать...

Спустя несколько дней записная книжка пестрит нотными пометками, и крошечные фигурки уверенно иллюстрируют их.

В жестах этих фигурок, в их прыжках и приседаниях можно уловить много родственного с движениями охотников и зверей на чеканных музейных пластинках.

Скоморохи из «Снегурочки» Римского-Корсакова подчинились, наконец, балетмейстеру: музыка трансформируется в пластические образы.

Так творит балетмейстер. Но труд его еще не родит танца. Балетмейстер создает лишь его вехи, пунктиром намеченный характер, схему. Самый танец и самый образ возникают после, лишь в движениях живого тренированного тела. Танцовщица превращает смутный пунктир в четкую линию.

Когда Галина Уланова поняла это, совершенно по-новому ощутила она свой собственный артистический путь. Она увидела причины неудач и открыла источник будущих успехов. Романтика, лирический огонь, мягкость, теплота — все эти качества, заложенные в самой ее индивидуальности, должны быть характерными красками ее танца. Она поняла это, и тогда заново и ярко предстало перед нею любимое искусство. Мысль одухотворила его.

3

Ставили заново «Лебединое озеро». Партию лебедя поручили Г. Улановой.

Однажды ей случилось быть в Зоологическом саду. Лебеди плавали по широкому пруду. Она долго любовалась ими. Длинные, подвижные лебединые шеи выражали тордость, нежность, силу, уверенность, стремительность, покорность, грацию, испуг и еще тысячу всяких других чувств и ощущений.

И новая мысль осенила артистку. Руки ее — крылья ее. А шея — грациозной, красноречивой лебединой шеей — разве не может быть в танце человеческий торс, если он подвижен и силен?

Галина Уланова танцевала перед зеркалом свою последнюю, лебединую песню. Здесь па на трудны и разнообразны, с часто меняющимися темпами. Корпус и руки — шея и крылья — изнемогают в борьбе со смертью: падают руки — все слабее извиваются крылья; и томится шея — томится корпус. Она кружилась в слабых турах, в последней вспышке последних сил...

Так создавала Галина Уланова свою Одетту, королеву заколдованных лебедей в чудесной музыкальной сказке Чайковского. Так же, творчески проникая в образ, готовила она и свою Жизель, кроткую и обманутую девушку, и свою Марию из «Бахчисарайского фонтана», польскую панну, узнавшую, что такое нежеланная любовь и смертоносная ревность...

Так выросла замечательная артистка, представительница нашего лучшего в мире балета.

А. ЗРЛИХ.